

с. 2.

Письма о журнальчике

Письмо "Тур. курьеру", т. е. суббота

Михайловский, поэзия всегда была любимцей первобытных пародов, современных дикарей и ребят—поэтому возвращение к ней не указывать ли на возвращение к первобытному состоянию—с другой стороны и в виду склонности сумасшедших к поэзии — на избиле сумасшедших в наше время. Не явствует ли из этого обилие стихотворцев, что любовь к бесплодным звукам одержала верх над любовью к более «стоящим» материям и не явствует ли из него также, что «пустопорожних» людей нынче развелось ужасно много?

В самом деле, если всмотритесь внимательно в это явление, то, пожалуй, объяснение г. Михайловского и имеет основание. Возьмите, напр., шестидесятые годы, когда общественные вопросы сосредоточили на себе внимание всего общества, разве мы тогда занимались стихами с таким усердием, как нынче, или занимались такими вздорными романами, как, напр., роман Салова «Грезы» («Рус. Мысль» №№ 1—3), описывающий, как

Любовь, любовь, любовь
Возлунет нашу кровь!

Было время—и было оно весьма недавно, когда мы предьявляли бы роману самым серьезным требованием, было время, когда, мы, говоря устами Добролюбова, «дорожили литературным произведением, потому что в нем могли изучать факты нашей родной жизни, которая так мало открыта нашему взору», могли из него узнавать, «что падасть, что побьждает, что начинается водворяться и преобладать в нравственной жизни общества»,—на это у нас не было другого показателя, кроме литературы, и преимущественно художественных ее произведений. Писатель-художник, не заботясь ни о каких общих заключениях относительно состояния общественной мысли и нравственности, всегда умѣлъ однако же уловить их существеннѣйшія черты, ярко освѣтить и прямо поставить их предъ глазами людей размышляющих.

Это-то намъ и давали и Тургеневъ, и Островскій, и Помяловскій, и Слѣпцовъ, и Михайловъ, и даже такіе второстепенные беллетристы, как Омулевскій и др. А нынче? Щедринъ да Успенскій,—вотъ все, что мы имѣемъ, а въ остальныхъ, право, хоть не заглядывай, если не считать еще одного—духъ въ родѣ Короленко. Конечно, ставя такіа задачи бел-

летристикъ, мы не лишаемъ ее права быть и чисто художественной... Что дѣлать, если вы въ душѣ художникъ, эстетикъ и только? Пусть и «громъ ударилъ», и «бура стонетъ»...

Громъ ударилъ, бура стонетъ
И свистъ рветъ, и мяты влоснѣтъ,
Не время ли ия расцвѣтаетъ...

Время—не время, но если вы только и умѣете, что пѣть песни, пойте... Но только пойте хорошо, какъ поеть ихъ, напр., Чеховъ, помѣстившій въ мартовскомъ «Свѣ. В.» художественный эскизъ «Стеня», раскрывающій передъ нами прекрасную попораму стены, полную гоголевскаго колорита и даже гоголевскаго лиризма. Но если у васъ нѣтъ таланта, идите лучше въ сапожники, ибо не имѣя таланта, при самыхъ благородныхъ побужденіяхъ, вы рискуете остаться за Сортомъ литературы. Да, все дѣло въ талантѣ. И если, напр., «Графиня Лида»—романъ, напечатанный въ «Недѣль»—написанъ талантливо, мы ставимъ его читать, хотя-бы онъ рассказывалъ намъ о финиссахъ расперевелико-свѣтскаго общества... И я не знаю, почему г. Успенскій въ своемъ послѣднемъ очеркѣ «Живыя цифры» такъ трупить надъ этимъ романомъ? И не читалъ его, по допустимъ, что онъ написанъ не менѣе талантливо, чѣмъ, напр., «Анна Каренина». Но неужели и «Каренина»—вздоръ, вздоръ лишь потому, что она большая барыня, а кругомъ нея графы да маркизы? Но какъ-бы ни было пошло это пошлое общество—тѣмъ лучше, если авторъ обаяжитъ передъ нами всю его пошлость. Г. Успенскій всю литературу готовъ свести къ одному «народу». Прекрасно, благородно, но... но... позвольте мнѣ это сказать,—это ужъ очень узко, узко для задачъ беллетриста. Для публициста тутъ, пожалуй, весь смыслъ его работы. Вътъ, въ послѣдней книжкѣ «Вѣсти Европы» помѣщена статья г. Воропонова «Кримскіе татары», посвященная разсмотрѣнію ихъ экономическаго быта. Статья написана въ формѣ путевыхъ замѣтокъ и не претендуетъ на всестороннее изслѣдованіе вопроса, но данныя, сообщаемыя авторомъ, настолько характерны, что придаютъ статьѣ извѣстную цѣнность не для однихъ этнографовъ. Я приведу изъ этой статьи слѣд. характерный діалогъ татарина: «Одинъ небогатый, пожилой татаринъ въ разговорѣ какъ-то высказалъ:—Ну, не великій-же такой счастливый человекъ какъ я!—А ты разве счастливъ? спрашиваютъ его.—Конечно, отвѣчаетъ онъ: я собралъ двѣ десятины пшеницы, у меня есть хата, двѣ коровки

съ жеребятми, я каждый мѣсяць рѣжу балянки—чего же еще? И счастливый человекъ».

Это-же говорилъ и П. удонъ. Онъ говорилъ, что онъ отдалъ-бы и Лувръ, и Notre Dame de Paris, и Винну кую конопну и весь шикъ и блескъ Парижа, чтобы имѣть хату, лошадей, тѣнь, зелень и спокойствіе.

И прекрасно. Будемъ и мы все работать для этой цѣли, чтобы обезпечить и себя, и каждому изъ народа хату, лошадей, тѣнь, зелень и спокойствіе, но искать материала для художественныхъ произведеній въ народной и только въ народной средѣ—Бога ради! Вотъ самъ г. Успенскій—развѣ его послѣдній произведеніи беллетристика? Несколько! Это беллетристическая публицистика, исполненная святой любви къ народу, «жгучаго безпокойства за его судьбу», горячей готовности и призыва служить ему, но дѣла же тутъ то, что мы привыкли разужать подъ словомъ романъ, живописующій нравы, характеры, тины, дающій психологическіе анализы, вскрывающій изгнбы и тайники человѣческой души? Въ «Аннѣ Карениной» это есть, можетъ быть есть и въ «Романѣ графини Лиды», а въ очеркахъ г. Успенскаго нѣтъ, ибо въ народѣ, при его первобытности, некультурности, при его презабтальномъ прѣдѣсѣжнн, никакого такого материала для художественнаго произведенія и быть не можетъ. Можно и слѣдуетъ сожалѣть его, работать для него, страдать за него, описывать его тягость, будить въ читателѣ сочувствіе къ нему, можно быть и народнымъ трибуномъ, но не народнымъ художникомъ. Прекрасно, напр., г. Успенскій описалъ, какъ у мужика «заборъ вала тѣя» и какъ онъ, мужикъ, безпомощно починить его, прекрасно, напр., Некрасовъ описалъ, какъ мужички стоятъ «у параднаго подъѣзда», какъ бурлаки тянутъ пароходъ бичевой, честь и слава слава и признательность потомства—но все-же это ско, ъе святая публицистика, чѣмъ художественная беллетристика. Пусть каждый дѣлаетъ, что можетъ. Толстой пусть пишетъ «Каренину», Некрасовъ—«Бурлаковъ», Успенскій—«Живыя цифры»—все языки ведутъ въ Римъ—но чѣмъ спутывать все это вмѣстѣ, а главное, спорить: кто или что выше? Зачѣмъ повторять сказку Андерсена?

БАРОНЪ ИКСЪ.